

**ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

Институт философии

Кафедра социальной философии и философии истории

**Выпускная квалификационная работа на тему:
«Суверенность, свобода и политический романтизм в контексте XX века»**

По направлению – 030100 «Философия»

Профиль – «социально-аксиологический»

Рецензент:

канд. филос. н., ст. преп.

Мавринский И.И.

_____ (подпись)

Выполнила: студентка

Белоусова Ирина Вячеславовна

_____ (подпись)

Научный руководитель:

канд. филос. н., доц.

Секацкий А.К.

_____ (подпись)

Санкт-Петербург

2017 г.

Содержание

Введение	3
1 глава. Понятие политического К. Шмитта в интеллектуальном контексте XX века	5
1.1 Понятие политического как центральная категория в теории государства и права К. Шмитта	5
1.2 Лео Штраус vs. Карл Шмитт. Критика либерализма	14
1.3 Ханна Арендт vs. Карл Шмитт. Свобода в пространстве политического	19
2 глава. Концепция суверенитета через категории решения и чрезвычайного положения	26
2.1 Общее понятие суверенитета	26
2.2 Томас Гоббс и Карл Шмитт: суверенитет, политический миф и феномен страха	31
2.3 Решение как элемент понятия суверенитета и децизионизм как теория решения	38
2.4 Чрезвычайное положение как элемент понятия суверенности и теологическая концепция чуда	42
Заключение	47
Список литературы	48

Введение

В самом широком смысле, цель данной работы состоит в том, чтобы высказаться о современном. Конечно же, немедленно возникает ряд вопросов о современности: кто и как в ней присутствует, каким образом получить понятие о ней, как помыслить настоящее как современное. У Дж.Агамбена есть примечательное эссе с вопросом, вынесенным в заглавие «Что современно?», где можно найти следующее определение: «современник – это тот, кто непосредственным взором воспринимает сияние тьмы, исходящее из своего времени». Что это значит? Непосредственность взора современника обеспечивается особым способом его взаимодействия со своим временем, одновременно присутствуя в нём и удерживая дистанцию относительного него. Это обеспечивает современнику защиту от ослепления светом эпохи, он способен нейтрализовать её свет и увидеть «сияние тьмы».

Карл Шмитт представляется именно таким современником как для прошлого века, так и нынешнего. Во-первых, его взгляд всегда направлен на современность, но через призму исторического опыта. При этом интенсивность современности сообщается историческим фигурам, возвращая их к актуальности. Так, например, своими исследованиями теории государства и права Гоббса, Шмитт возродил небывалый к нему интерес. Во-вторых, понимание пути исторического становления понятия проясняет его современный смысл. В предисловии к «Теории партизана» Шмитт пишет: «Теоретик не может сделать больше, нежели сохранение понятий и называние вещей своими именами». Так, сохранение понятий предполагает сохранение его исторических смыслов, а называние вещей своими именами – необходимость формирования понятия, исходя из конкретной его данности в ситуации современности.

В данной работе мы рассмотрим идеи Карла Шмитта о суверенитете, свободе и политическом романтизме в надежде совместить горизонты истории и современности в конкретном понятии. Мы будем рассматривать эти идеи в контексте их принадлежности пространству политического, о

котором тоже пойдет отдельная речь. Целью данной работы является рассмотрение концепции суверенитета в теории Карла Шмитта. Для реализации поставленной цели мы планируем решить несколько задач:

- 1) Проблематизация, а затем формулировка понятия политического К.Шмитта.
- 2) Сопоставление понятий политического Х. Арендт и К. Шмитта.
- 3) Рассмотрение суверенитета через теорию решения и идею чрезвычайной ситуации.

Мы также выдвигаем ряд гипотез, которые попробуем доказать в рамках данного исследования. Во-первых, понятие политического является базовым концептом для понимания государственно-правовой теории К. Шмитта. Во-вторых, понятие политического Х. Арендт образовано как противопоставление пониманию политического К. Шмиттом. В-третьих, идея суверенитета и политическая теология К. Шмитта является результатом переосмысления и актуализации политической философии Т. Гоббса. Наконец, последняя гипотеза – понятие чрезвычайного положения в юридическом смысле аналогично понятию чуда в теологии.

1 глава. Понятие политического К.Шмитта в интеллектуальном контексте XX века

1.1 Карл Шмитт: понятие политического как центральная категория

Основанием для отдельного рассмотрения понятия политического является не только лишь структурная необходимость контекста самой работы – определить то пространство, в которое могут быть вписаны концепты суверенитета, свободы и политического романтизма. «Понятие политического» – это ещё и название статьи Шмитта, ставшей в буквальном смысле классикой политической теории XX века. В настоящей главе мы рассмотрим то понятие политического, которое сформулировал Карл Шмитт, и его отношения с другими ключевыми для эпохи толкованиями политического. Понятие политического должно быть установлено ещё и по той причине, что разбираемые в работе концепции суверенитета, свободы и политического романтизма находятся в пространстве политического.

Откуда вообще возникает вопрос о сущности политического?

Ж.Ж. Руссо, говоря о причинах образования государства посредством общественного договора, пишет, что человек «либо должен навеки остаться несчастным, либо должен попытаться найти себе новое бытие»¹. Собственно, политическое всякий раз и оказывается «новым бытием», то есть таким пространством, в котором организуется коллективное единство.

¹ Руссо Ж.-Ж. Об Общественном Договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1989. С. 311

Вопрос о политическом и сегодня привлекает внимание исследователей не в меньшей степени. Предсказания о конце политического звучат примерно с той же частотой, что и прогнозы о его возрождении. Например, Ж. Рансьер выстраивает понимание политического через заключенную в нём неправоту. Этот принцип создает и условие возможности политического. Рансьер характеризует это таким образом: «Политике есть место потому, что те, у кого нет права быть учтенными в качестве говорящих существ, заставляют себя таковыми счесть»². Политическая общность всегда организована по принципу неравенства, несоизмеримости. Политическое возникает, когда установленный порядок государства или господства в принципе прерывается требованием сопричастности от групп несопричастных, которые осознали своё положение и свою “неправоту”, противопоставив её “правоте” господствующей.

Пожалуй, первая попытка Карла Шмитта установить понятие политического приходится на его раннюю работу «Политический романтизм» (1919). В этой работе Шмитт формулирует только негативное понятие политического, как принципиально не романтического. Уточним, что истоки буржуазного либерализма Шмитт находит именно в романтизме, вопреки устойчивой традиции, которая оставляет эту роль за Просвещением. Шмитт же, напротив, противопоставляет романтизм просвещенческой традиции и Классицизму. Причем, приступая к исследованию политического романтизма, Шмитт обращается не к самой его сущности как некоего феномена, но к тому отношению, которое проявляет романтический субъект к окружающей его действительности. Это важное обстоятельство подчеркивает и Г. Лукач: «Да, он [К. Шмитт] прав совершенно, констатируя, что романтическое следует искать не в предмете, а в отношении романтического субъекта к предмету»³. Дело в том, что романтический субъект отделяется от общества, так как

² Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия / Пер. с франц. и прим. В. Е. Лапицкого. – СПб.: Machina, 2013. С. 63

³ Лукач Г. Карл Шмитт: политический романтизм \ Шмитт К. Политический романтизм. М.: Праксис., 2015, С.459

пребывает в своей поэтической абсолютности. Однако, оторванность от общества ввергает романтический субъект в полную противоположность первоначальной позиции, субъект оказывается в положении радикальной зависимости от общества. Зависимость может проявляться в различных институциях, например, таких как католическая церковь или национальная политика, которая в случае и романтиков получает особый статус религиозности. Романтизм не вырабатывает политическую программу, не создает режимных моментов для конкретного обозначения политической позиции, так как исходит из субъективизма и окказионализма. Все это кажется Шмитту неприемлемым; романтизм оказывается будто бы категорически неполитическим, так как отличается неукорененностью и вовсе не имеет возможности вместить в свой контекст какую-либо политическую идею, что, по Шмитту, равно применимо и в отношении буржуазного либерализма. Романтизм (как и либерализм) избегает и нормативности, и решения, то есть вообще сферы государства и права; Шмитт подводит такой итог: «Таким образом, невозможна политическая активность, но, пожалуй, возможна критика, которая везде может завязать дискуссию и способна всё идеологически раздуть»⁴. Говоря о «невозможности политической активности» как характеристике политического романтизма, Шмитт собственно отказывает ему в возможности политического действия, которое и реализует политическое как таковое. Из чего следует, что политическое – это не-романтическое.

Теперь обратимся к ставшей практически хрестоматийной статье Шмитта «Понятие политического». Шмитт, вопрошая о сущности политического, ищет ответа в специфике политического, то есть предпринимает попытку очертить его поле как собственное и особенное, не пытаясь сопоставить его с этическим, эстетическим или, например, экономическим. При чем для него это не только теоретическая установка; Шмитт принимает решение о политическом или не-политическом и это

⁴ Шмитт К. Политический романтизм. М.: Праксис, 2006. С.278

решение является политическим жестом.

Отметим также, что автор подчеркивает историчность понятия политического. Оно подвержено изменениям, связанным с общественными трансформациями, соответственно, следует рассматривать его в конкретной исторической данности. Ситуация современности традиционно связывает понятие политического и институт государства.

Проблема в определении политического, по мнению автора, как раз и состоит в том, что политическое всегда рассматривают в связи с государством, точнее, понятие политического обыкновенно выступает как компонент в понятии государства. Шмитт приводит определение государства для наглядного представления проблемы: «Государство есть политический статус народа, организованного в территориальной замкнутости»⁵. Данное определение опирается на два понятия – народ и статус, проблема как раз и заключается в том, что они оба принадлежат сфере политического, из чего возникает ошибочное в своей тавтологичности представление, что государственное – это политическое, а политическое – это государственное. Подобная ситуация «кругового» определения в построении понятия неприемлема. Но политическое, как и любая другая сфера социальной жизни, требует для себя конкретного понятия. Обратимся к гегелевскому определению понятия: «Представления становятся понятиями лишь в том случае, когда мы показываем относительно них, что они содержат в себе различные стороны в единстве»⁶. Так, Шмитт предлагает понимать под политическим прежде всего политическое действие, в отношении которого следует установить «последние различения», которые и будут являться политическими категориями. Важно отметить, что для Шмитта политическое образует собственное пространство, для которого должны быть разработаны собственные категории, коими для этики, например, являются добро и зло, для эстетики – прекрасное и безобразное.

⁵ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35

⁶ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Москва, Соцэкгиз, 1939, т. VI, С. 111

Для сферы политического Шмитт вводит различие друга и врага, так как «оно дает определение понятия через критерий, а не через исчерпывающую дефиницию или сообщение его содержания»⁷. Такое различие обладает самостоятельностью, потому что не является производным, обосновывается само через себя и не сводимо к другим другим критериям. Суть различия заключается в интенсивности отношений соединения или разделения политических субъектов. Отметим, что различие друг-враг не подразумевает включения этических, экономических или эстетических характеристик в собственное содержание, из чего следует, что враг как враг политический не должен быть злым, безобразным или же невыгодным с экономической точки зрения.

В политической концепции врага, предлагаемой Шмиттом, лежит экзистенциальное основание. Понятия «друг» и «враг» имеют здесь не символическое значение, а конкретный (или экзистенциальный, по Шмитту) смысл. Политический враг представляет такой род инобытия, который принципиально отрицает иной род существования. Шмитт отстаивает данное различие не с позиции его нормативного значения для теории государства или научного дискурса в целом. Различие друга и врага не номинально, оно укоренено в действительности и в этом смысле реально. Экзистенциальная укорененность данного различия обосновывает и реальность политического.

Следует подчеркнуть, что враг – это политическая фигура, которая не может быть представлена частным лицом, враг – это всегда враг публичный: «Враг – это только борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности»⁸. Кроме того, различие друга и врага есть крайнее, терминальное различие. Такая радикализация различия характеризует и устройство политического пространства, так как оно образуется внутри политических противоположностей как интенсивность отношений между

⁷ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С.37

⁸ Там же, С. 41

ними. На этом этапе возникает третий элемент в понятии политического – война. Крайним выражением интенсивности противостояния друга и врага является готовность к войне, к реальному физическому убийству. В различении друга и врага война присутствует как реальная возможность, тем самым самым она обеспечивает и реальность различения. Поэтому, покуда существует возможность войны, существует и политическое, в котором происходит деление на друзей и врагов. Устранение политического представляется Шмитту практически невозможным, а если и возможным, то крайне неблагоприятным событием, так как именно в политической борьбе сказывается экзистенциальная сущность человека. Иначе говоря, человек сохраняет человеческое только если он осуществляет политическое действие. Таким образом, политическое не имеет собственной предметной области, оно скорее предполагает определенным образом собранное публичное пространство отношений между группами, принципом организации которого выступает степень интенсивности ассоциации и диссоциаций, закрепленных в экзистенциальных предпосылках.

Неоднократно Шмитт подвергался критике за доминирующее понятие врага в концепции политического. Его аргумент в защиту данного понятия можно реконструировать следующим образом:

1. Сам процесс исполнения правовой нормы представим только при условии отрицания права. Разберем пример правовой нормы из сферы уголовного права. Как известно, структура правовой нормы трехчастная – гипотеза, диспозиция и санкция. При этом, в основу правовой нормы (то есть в гипотезу, содержащую условия для действия самой нормы) положено не деяние (*Tat*), но злодеяние (*Untat*).
2. Следовательно, структура любого правового понятия содержит в себе отрицание как диалектическую необходимость.

Оппозиция друг-враг – это не метафора, не средство описания предположенной действительности. Напротив, Шмитт настаивает на том, что данное различение реально и, в этом смысле, необходимо. Оно выступает как

радикальный и резкий ответ на всё более возрастающую тенденцию к нейтрализации, уклонению от политического. Шмитт борется за политическое как необходимое; его задача - доказать неизбежность вражды, обязательность врага. При этом, понятия друга и врага являются ничем иным, как его «политическим оружием»⁹. В своей книге, посвященной теории государства Т. Гоббса, Шмитт использует именно это выражение при характеристике образа Левиафана, который давно перестал быть лишь образом, но стал действующим понятием в политической теории. Для Шмитта, дефиниции и понятия участвуют в политической борьбе так же, как пушки и снаряды. Х. Майер так резюмирует его исследовательскую и, в то же время, политическую позицию: «Теоретик политического должен быть политическим теоретиком»¹⁰. Кажется очевидным, что Шмитт, написавший книгу о Гоббсе в 1938 году, во время, пожалуй, наибольшего подъема Третьего Рейха, и не получивший должного признания, не мог не соотносить себя с автором «Левиафана». Гоббса он считает истинным политическим философом, философом «политического действия»¹¹. По мнению Шмитта, сочинение, предметом которого является политическое, не может не быть политическим сочинением. И, как политическое, оно с необходимостью будет иметь в виду врага и, как следствие, оборачивать вражду на себя. Очевидно, враги Шмитта – это адепты нейтрализации, те, кто не признают врагов в принципе. Подробнее стратегии деполитизации и нейтрализации будут рассмотрены в другой части работы.

В связи с предложенным понятием политического, Шмитт переформулирует и понятие государства, которое теперь понимается как: «организованное политическое единство, которое как целое принимает для

⁹ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 123

¹⁰ Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Скимень, 2012. С. 12

¹¹ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 121

себя решение о друге и враге»¹². Данный тезис в своём неверном истолковании породил множество недоразумений среди исследователей. Например, Йохан Хейзинга, рассматривая концепцию Шмитта и опираясь на положение о том, что признаком политического единства (государства) является право решения относительно определения друга-врага и чрезвычайного положения, спрашивает и одновременно ставит под сомнение идею Шмитта: «Правомочна ли группа, желающая стать политически независимой, вести себя политически?»¹³

Дело в том, что различие друг и врага некоторыми исследователями было применено к внутригосударственной политике, в то время как Шмитт имел в виду данное различие к внешнеполитической ситуации. Но тогда возникает закономерный вопрос – каким образом государство вообще соотносится со сферой политического и соотносится ли, если базовой различие политического применяется в отношении внешней политики? Первостепенной задачей государства, по Шмитту, является установление нормальной ситуации, то есть ситуации нормативности. Норма теряет всякий смысл, если внутри государства утрачен порядок. Война в принципе не может быть вписана в нормативное пространство, так как имеет экзистенциальное основание и к ней не может быть применена никакая норма. Шмитт не склонен к эстетизации или оправданию идеи войны, он пишет: «Нет никакой рациональной цели, никакой сколь бы то ни было правильной нормы, никакой сколь бы то ни было образцовой программы, никакого сколь бы то ни было прекрасного социального идеала, никакой легитимности или легальности, которые бы могли оправдать, что люди за это взаимно убивают один другого»¹⁴. В нормативном же плане государство как

¹² Там же, С.42

¹³ Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2010. С.82

¹⁴ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С.53

политическое единство обладает правом *jus belli*¹⁵, то есть право, по-первых, определять врага государства, во-вторых, бороться с ним. Оно предполагает также две возможности: возможность быть убитым и убивать для народа и возможность убивать людей, принадлежащих враждебной группе.

Так, Э.-В. Бёкенфёрде, рассматривая указанное недоразумение, обращается к приведенному выше понятию государства и переформулирует его таким образом: «Государство – это единство, замиренное внутри себя»¹⁶. Это значит, что государство внутри себя стремится к самосохранению, то есть удержанию нормального, нормативного состояния, при котором интенсивность противостояния групп не доходит до крайней степени различия друг-враг. Другими словами, государство «дружественно» внутри себя. Политика, осуществляемая внутри государства, имеет, по Шмитту, второстепенный смысл, тогда как внешняя политика государства – первостепенный. Следовательно, внутренняя политика как второстепенная сохраняет логическую связь с политическим, но при этом отделена от неё. Различение друг-враг присутствует здесь как возможность, но возможность нежелательная и относительная при нормальной ситуации. Относительность различия является тем обстоятельством, которое только и способно служить единству государства, причем удержание этой относительности входит в полномочия суверена как принимающего решение о нормальной и чрезвычайной ситуации. В нормальной же ситуации, то есть в ситуации безопасности, место политики в государстве занимает полиция.

Итак, мы разобрали концепцию политического Карла Шмитта, которая является исходным пунктом для понимания всей политической философии автора. Именно в свете политического мы намерены далее рассмотреть идеи суверенности, свободы и политического романтизма.

¹⁵ Право войны (лат. *jus belli*) — изначально право суверена, а позже государства на проведение военных действий, один из признаков суверенитета.

¹⁶ Бёкенфёрде Э.-В. Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву/ Логос. 2012. № 5 (89). С.158-177

1.2 Лео Штраус vs. Карл Шмитт. Критика либерализма

Статья «Понятие политического» написана Карлом Шмиттом в 1927 году, к тому времени он уже является видным теоретиком права Веймарской республики. Через пять лет, в 1932 он получает критические «Замечания на «Понятие политического» от Л. Штрауса, еврейского философа и историка, который успел уехать из Германии в Америку чуть раньше, чем нацисты оказались у власти. Х. Майер в книге «Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих» доказывает, что Шмитт не только тщательно изучил Замечания, но и внес в соответствии с ними коррективы в текст третьей редакции статьи. В рамках данного параграфа мы намерены рассмотреть влияние Лео Штрауса на концепцию политического Карла Шмитта, уделив особое внимание критике либерализма.

Текст этой небольшой статьи был исправлен и переписан Шмиттом, мы знаем его в трех редакциях – первая публикация в 1927 году, вторая в 1932 году, третья – в 1933. Замечания Штрауса очевидно учтены в третьей редакции статьи.

Майер выдвигает тезис о том, что общим местом для Шмитта и Штрауса является критика либерализма. Остановимся подробнее на этом аспекте. Майер настаивает, что короткое критическое эссе Штрауса повлияло на последнюю редакцию «Понятия политического» 1933 года, а именно, оно усилило антилиберальные положения статьи Шмитта. В предыдущем параграфе, раскрывая понятие политического Карла Шмитта, мы почти не коснулись содержащейся там критики буржуазного либерализма, но лишь затем, чтобы остановиться на ней подробнее в контексте полемики Штрауса и Шмитта.

Итак, шмиттовская критика либерализма основывается на предложенном им самим понимании политического (друг – враг – война), исходя из которого, буржуазный либерализм, строго говоря, вообще не включен в область политического. Иными словами, либерализм – это лишь критика политики, в рамках которой нет ни идеи, ни теории, но лишь

«практики недоверия» к политическим концепциям и формам государственного устройства. Либерализм есть отрицание политического, Шмитт же противопоставляет этому самостоятельную позицию политического через признание его действительности, бытийственной закреплённости. Политический враг в условиях либерализма невозможен, он подменяется оппонентом или же нарушителем мирного порядка.

Штраус в замечаниях к статье Шмитта доказал, что «критика либерализма осуществляется в горизонте либерализма; его [Шмитта] антилиберальная направленность сдерживается до сих пор еще не преодоленной систематикой либерального мышления»¹⁷. Штраус выступает против определения политического как специфического пространства, настаивая на осмыслении его как тотального и обладающего возможностью определять другие сферы человеческой жизни. Иначе формулировка понятия политического, которая выступает у Шмитта как оружие в борьбе с либерализмом, сама частично не избегает либерального вытеснения политического.

Штраус доказывает, что за видимостью независимости политического всё же обнаруживается его подчиненная роль моральному. Собственно, Штраус сам придерживается такого мнения и вполне убедительно доказывает его наличие, пусть и в скрытом виде, в концепции Шмитта. Кроме того, по мнению Штрауса, не обнаруживая за политическим примата морального, Шмитт невольно занимает позицию индивидуализма, активно критикуемого обоими авторами в либерализме. Штраус подчеркнул религиозный аспект, который Шмитт приписывает понятию политического, Майер сформулировал это следующим образом: «Шмитт начинает спор с либерализмом от имени политического, и ведет его ради религии»¹⁸.

Среди исследователей, впрочем, нет полного согласия относительно

¹⁷ Штраус Л. Замечания к «Понятию политического» Карла Шмитта // Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Скимень, 2012. С. 142

¹⁸ Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Скимень, 2012. С.42

значительности влияния «Замечаний» Штрауса на третье издание «Понятия политического». Майер неоднократно подвергался критике за преувеличение значения влияния Штрауса на идеи Карла Шмитта. Например, К. Лёвит представляет совершенно иную версию причины, по которым Шмитт внес изменения в статью – это поддержка Шмиттом национализма, его политический оппортунизм. Тем не менее ясно, что Шмитт ещё более заострил критику, направленную в адрес либеральной системы, в третьей редакции статьи.

Критика либерализма присутствует в каждой работе Шмитта, так как каждая работа Шмитта имеет дело с политическими понятиями, то есть и с самим политическим. Поэтому Шмитт каждый раз вынужден заново указывать на то, что либерализм не принадлежит пространству политического. Обычно он характеризует его через процессы деполитизации и нейтрализации. Стоит прояснить что имеет в виду Шмитт под нейтрализацией и деполитизацией. Статья, которая так и называется «Эпоха деполитизаций и нейтрализаций», написана в 1929 году. Она начинается с тезиса, который неоднократно встречается в трудах Шмитта, но здесь сформулирован лучше всего – «всякое историческое познание есть познание современное, что оно от современности получает свет и интенсивность и в самом глубоком смысле служит только современности, потому что всякий дух есть только современный дух»¹⁹. Поэтому, рассматривая современную эпоху, Шмитт первым делом предлагает способ концептуализации европейской истории через её четыре «эпохальных шага» – теологическое, метафизическое, моральное и экономическое. Каждая стадия отражает один аспект человеческого бытия, вокруг которого собраны остальные. Шмитт делает оговорку, что не претендует на универсальность этой концепции в объяснении исторического развития; четыре ступени европейской истории – это только лишь схема последовательности в замене одной центральной области на другую. Замена здесь не означает полное устранение предыдущей

¹⁹ Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение, т. 1, N. 2, 2001. С.48

области, пройденные ступени продолжают существовать и влиять на общественную жизнь. Духовные понятия, находясь в зависимости от исторического процесса, накапливают и сохраняют в себе смыслы пройденных ступеней, поэтому они плюралистичны. Уловить смысл духовного понятия, учитывая приведенные обстоятельства, можно лишь одновременно исходя из конкретной и актуальной его данности и исторической обусловленности.

Под сменой областей он понимает конкретные социальные изменения – смену властных элит и, соответственно, смену их ценностных ориентаций, принципов и аргументаций.

В процессе смены областей, область сменяемая оказывается подвержена нейтрализации, а область сменяющая становится «областью борьбы». В XIX веке процесс нейтрализации захватывает и политическое пространство, центральное значение приобретает экономика, вследствие чего укрепились система либеральных ценностей. Современную эпоху Шмитт считает эпохой техники и экономики. Техника мыслится как абсолютно нейтральное пространство, на котором можно построить бесконфликтное общество. Шмитт же подчеркивает, что нейтральность техники происходит из её исключительно инструментальной сущности. Поэтому она и не предполагает никакого имманентного значения и, значит, может, служить любым целям и идеалам; формулировка Шмитта звучит угрожающе: «Всякая культура, всякий народ и всякая религия, всякая война и всякий мир могут воспользоваться техникой как оружием»²⁰. Но то, что техникой может пользоваться каждый, как раз и делает её не нейтральной, так как распоряжаться ею будет, в конечном итоге, любая сильная власть.

Деполитизация, по Шмитту, означает утрату политического, в связи с его нейтрализацией, то есть утрату врага. Исчезает враг, а вместе с ним пропадает и человек. Потому что враг – это граница между нами и хаосом. Враг – это то, что якобы своим существованием отрицает наш собственный

²⁰ Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение, т. 1, N. 2, 2001. С.55

род бытия; то, что мы должны поэтому убить. Но это касается лишь врага в его конкретности. Если же уничтожена категория врага, то человек попадает в Ничто.

Итак, в данном параграфе мы рассмотрели влияние Лео Штрауса на Карла Шмитта в аспекте критики либерализма. Кроме того, мы показали два механизма – нейтрализации и деполитизации, которые сопровождают современный либерализм.

1.3 Ханна Арендт vs. Карл Шмитт.

Свобода в пространстве политического

Понятие политического Ханны Арендт, которое мы представим в данной части нашей работы, заслуживает особого внимания, так как, во-первых, оно интересно само по себе и, во-вторых, оно возникает в ответ на концепцию политического Шмитта, как противопоставление ей.

Ханна Арендт как политический мыслитель примечательна тем, что её осмысление современности всегда неразрывно связано с античностью. Поэтому, прежде чем приступить к идеям Арендт, мы обратимся к Аристотелю, наиболее важному для неё автору. Как известно, Аристотель выделяет три рода наук и, соответственно, три рода знания – практические науки (политика (πολιτικά) и этика (ἠθικόν)), теоретические (физика и метафизика) и поэтические (ремесла и искусства). Политика, которая относится здесь к практике, предполагает в своем основании политическое действие. Оно и становится базовой категорией для всей последующей политической философии, в том числе и для концепции политического Арендт. Этика относится к практической области, так как тоже ориентирована на действие, поступок. Связь между политикой и этикой представляется очевидной, так как вопрос о «хорошем», «добродетельном» поступке актуален и для политики (в публичном пространстве), и для этики (в социальном и приватном пространстве). Остановимся подробнее на разграничении приватного и публичного пространства, так как топос греческой политики определен именно через публичное, Аренд также заостряет внимание на данном разграничении, посвящая ему главу в книге «*Vita activa, или О деятельной жизни*» (1957).

Тезис Арендт состоит в том, что начиная с Нового времени общественное как некий модус человеческого бытия занимает место политического. Арендт, как, впрочем, и Шмитт, предпринимает политическую попытку теоретически обосновать и тем самым защитить пространство политического, как особый порядок существования. Так, у

Аристотеля мы встречаем известное определение человека как политического животного, *zoon politikon*²¹. Однако, уже у Фомы Аквинского мы находим следующее определение: «*homo est naturaliter politicus, id est, socialis*»²², что подтверждает тезис Арндт. Так что же значит для Аристотеля и греческой традиции в целом, понимание человека как *zoon politikon*? В греческом полисе гражданин находится в двух модусах существования – публичном и приватном. Социальное (как совместное проживание), согласно Аристотелю, вообще не является сугубо человеческим свойством, так как и животные способны к организации совместного проживания.

Приватное пространство распространяется на сферу домашнего хозяйства, где совместная жизнь людей обусловлена естественными потребностями, то есть необходимостью. Порядок организации приватного предполагает неравенство. Частная сфера (приватное) – это условие свободы для сферы публичного (политического). Свобода в публичном и является собственно тем, что делает его политическим. Насилие в условиях греческого полиса мыслится как до-политический элемент, характерный лишь для приватного пространства. Политическое как публичное реализуется через действие и речь, причем речь приобретает в данном контексте значение политического действия. Касательно этого момента Арндт пишет: «Глухо только насилие»²³. Как известно, Аристотель начинает трактат «Политика» со слов: «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общине, всякое же общине организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общины стремятся к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ стремится то общине, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общины. Это

²¹ Политическое животное(греч.) - ζῷον πολιτικόν.

²² Homo est naturaliter politicus, id est, socialis - человек политический, то есть общественный по природе.

²³ Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 39

общение и называется государством или общением политическим»²⁴. Этот фрагмент очевидно указывает на понимание государства как пространства общения, то есть как пространства публичного. Ситуация кардинально меняется в Новое время, когда политическое стало совершенно неотличимо от социального и, таким образом, получило форму лишь одной из функций общества. Это было связано в первую очередь с расширением приватной сферы, которая раскололась на интимное и социальное, практически вытеснив сферу публичного. Политическое переместилось в сферу социального, утратив при этом индивидуальный характер.

Ханна Арентд же отстаивает политическое, понимаемое именно в греческом смысле, то есть как принадлежащее сфере публичности, свободы и дискуссии. При чем, как уже было указано выше, разрабатывая понятие политического, Арентд также занимает политическую позицию, как и Шмитт. Более того, Арентд выстраивает своё понятие политического в противоположность шмиттовскому. Это обусловлено вполне конкретной задачей, которую берется решать Арентд в своей книге «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме». Предметом исследования в этой книге становится суд над Эйхманом. В рамках понятия политического Шмитта, по мнению Арентд, Эйхман должен быть оправдан, так как судят его по политическим причинам, в то время как частное лицо не может выступать как политический субъект, то есть принимать решение о друге и враге. Эйман как функционер и бюрократ не может быть признан виновным по политическим причинам. Чтобы доказать вину Эйхмана, Арентд приходится не только оспаривать, но и разрабатывать принципиально иное понимание политического. Эйхман не является злодеем, его этическая оценка здесь не важна, тем не менее, он всё же является преступником, причем в преступника его превратил «не приказ, а закон»²⁵. Для признания его виновности требуется ввести понятие ответственности за политическое решение, а для этого отказаться от

²⁴ Аристотель. Политика / Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376

²⁵ Арентд Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа. 2008, С. 224

понимания государства как аппарата, для этого Арендт и обращается к античной традиции.

Пожалуй, ключевое различие Шмитта и Арендт в понимании политического можно продемонстрировать на гоббсовском понимании цели государства: «Цель государства – главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни»²⁶. Собственно, подобный ход рассуждений полностью поддерживает Шмитт. Выше было упомянуто, что внутренняя политика государства оказывается второстепенна, именно потому что в ней различие друг-враг не имеет крайней формы, напротив, во имя сохранения государственного единства и суверенности (признаком которой и является решение о враге), отношения внутри государства должны быть дружественными и мирными. Гражданин, таким образом, обязан поддерживать принимаемые в государстве решения. Шмитт обращается к средневековому «праву на противодействие» несправедливому властителю и указывает на то, что оно совершенно несовместимо с гоббсовским Левиафаном, он подчеркивает, что в юридическом смысле «нет никакой возможности обосновать право на противодействие»²⁷. Это объясняется тем, что Левиафан одновременно является и субъектом, и объектом права. В такой постановке право на противодействие оказывается возможно только как право на гражданскую войну, что противоречит идее государства. Следовательно, война, заключает далее Шмитт, это всегда война межгосударственная. При чем такая война не поддается никакой регламентации, поскольку государство заключает в себе всякую возможную законность, поэтому «отъявленный враг государства может быть подвергнут

²⁶ Гоббс Т. Левиафан. М.: Рипол классик, 2016. С. 229

²⁷ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С.174

любой расправе»²⁸.

Мы рассмотрели замечательное понятие политического Х. Арндт через античное деление публичного и частного. Наша гипотеза состоит в том, что в концепции Шмитта сопряженность индивида как частного лица и какого-либо коллективного субъекта (нации) как публичного является одним из самых слабых мест. Всё политическое приходится на публичных лиц, конкретный человек не имеет доступа к политическому. Поэтому суверенное требование убивать и умирать на войне, обращенное к конкретному индивиду, не подкрепляется ничем.

Арндт, соглашаясь с тезисом Гоббса о цели государства, опровергает его конкретную применимость в ситуации Третьего рейха, заявляя, что геноцид евреев «не был обусловлен какой бы то ни было необходимостью». Исключение (всегда преступное) из нормативного, законного порядка возможно лишь как условие поддержания государственного единства. Однако, это совершенно не относится к ситуации Третьего рейха, касательного этого Арндт пишет: «едва ли имелся хотя бы один акт власти, который, согласно привычным нормам, не был бы преступлением»²⁹. Иными словами, Арндт указывает на следующую проблему – насилие Третьего рейха было настолько масштабным, что невозможно даже определить, кто именно был его врагом. Что до Эйхмана, то его деятельность, и Арндт это отдельно подчеркивает, сводилась к безличному уничтожению евреев как таковых, то есть убивал не политического врага, а еврейский народ. В политическом как его толкует Арндт каждый участник, вступая в поле публичной речи, несет ответственность за сказанное, но ответственность индивидуальна, то есть она распространяется на собственное суждение участника, а не на всё образовавшееся пространство (это не ответственность суверена, полномочия которого состоят в удержании этого единства).

²⁸ Гоббс Т. Левиафан. М.: Рипол классик, 201., С.390

²⁹ Арндт Х. Ответственность и суждение / Сост. Дж. Кон, пер. с англ. Д.Аронсона, С.Бородиной, Р.Гуляева. М.: изд-во Института Гайдара, 2013, С. 224

Общее место в концепциях политического Арендт и Шмитта состоит в идее исключительной, чрезвычайной ситуации, в которой и выражается сама сущность политики во всей полноте. Для Шмитта таким случаем оказывается диктатура. Для Арендт – революция, как особый диалог, как предельный акт законотворческой деятельности и свободы. Свобода у Арендт полагается в основание революции как её цель, что работает и в обратном порядке: «цель революции – это основание свободы»³⁰. При этом следует обозначить важное разделение понятий восстания как освобождения и революции как творческого акта, направленного на достижение непосредственно свободы. Идея освобождения негативна, так как подразумевает только лишь избавление, Арендт на этот счет замечает: «нет ничего более бессмысленного, чем восстание и освобождение, не сопровождающиеся конституцией заново завоеванной свободы»³¹. Ясно, что Арендт не считает революционную борьбу свободной в силу её негативного характера, действительно свободным действием будет законотворческая деятельность по созданию новой конституции, как закрепление и вместе с тем установление нового политического порядка.

Идее свободы самым радикальным образом противостоит тоталитаризм. Тоталитарный режим характерен отчуждением свободы от гражданина, следствием чего становится утрата публичного пространства или политического в принципе для большинства населения; этот пункт является общей характеристикой для тирании, но тоталитарный режим предполагает не только политическую изоляцию гражданина, в результате которой пространство диалога (публичного) уничтожается. Нет, тоталитарное господство идет дальше, захватывая и частную (приватную) жизнь человека – «оно опирается на одиночество, на опыт тотального отчуждения от мира, опыт, принадлежащий к числу самых глубоких и безысходных переживаний

³⁰ Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011, С. 193

³¹ Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011, С. 194

человека»³².

В данной главе мы исследовали проблему политического в концепции Карла Шмитта; предположили, что именно понятие политического является исходным понятием для всей политической философии автора; рассмотрели влияние Лео Штрауса на Шмитта и общий для них акцент на критике либерализма; сопоставили понятие политического Шмитта и Ханны Арендт и ход его конституирования. Мы указали на общие места таких разных, на первый взгляд, мыслителей. Подчеркнули и принципиальные расхождения: для Арендт мы установили свободу как цель революции и основание творческого политического акта; для Шмитта – отчуждение свободы и одиночество гражданина при тоталитаризме.

³² Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом., 1996, С.617

2 глава. Концепция суверенитета через категории решения и чрезвычайного положения

2.1 Карл Шмитт: общее понятие суверенитета

«Политическая теология» (1922), книга, принесшей Шмитту мировую славу, открывается широко известным определением суверенитета: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»³³. Странное дело для любого читателя философии – автор предоставляет нам готовое определение важнейшего политического понятия на первой же странице своей книги. Но не стоит слишком надеяться на авторов политико-философских трактатов, простота формулировки не гарантирует ясности понимания.

Выдвинув определение суверена, Шмитт отмечает, что данное определение имеет предельный характер и, поэтому, может быть установлено не в нормальной, но в чрезвычайной ситуации, при этом чрезвычайная ситуация здесь вводится не как конкретное событие, например, войны, но как «общее понятие учения о государстве».

Решение о чрезвычайном положении – это всегда решение об исключении, так как никакая содержательная полнота нормативности, реализующаяся в праве, не охватывает абсолютности исключения. Кроме этого, из самих правовых норм нельзя вывести даже и условие признания какого-либо случая исключительным. *Extremus necessitatis casus*³⁴, одним фактом своего существования, представляет опасность для государства, так как последнее не в состоянии его классифицировать в порядке, установленном законом. Иными словами, государство вообще не имеет способа доступа к исключительному случаю. Исходя из перечисленного, государство, следовательно, не в состоянии предложить и способы разрешения или устранения его. Для разрешения чрезвычайного положения,

³³ Шмитт К. Политическая теология. М: Канон-Пресс-Ц, 2000, С. 15

³⁴ *Extremus necessitatis casus*(лат.) - случай крайней необходимости

государству потребовался бы такой содержательный объем компетенций, который, сообразно абсолютности исключения, с необходимостью не мог бы быть ограничен. Мы полагаем, что вопрос о суверенитете может быть задан наиболее удачным образом из очерченной выше позиции, то есть как вопрос о соотношении нормы и решения.

Решение об исключении есть вид изъятия конкретного, единичного случая из общего нормативного пространства. При этом исключительный случай не является отрицанием порядка, то есть хаосом. Нет, он сохраняет структурные отношения с нормой, «исключение поддерживает отношения с нормой в форме временного прекращения её действия»³⁵. Правопорядок, напротив, представляет из себя вид включения, способный и к включению, и к исключению. Реальные границы суверенной власти обнаруживаются в ситуации, когда она не в состоянии локализовать ситуацию и затем присвоить её. Чрезвычайная ситуация не является ситуацией фактической, потому что характеризуется лишь прекращением нормы на некоторое время(и вскоре будет устранена), но также она не является и правовой ситуацией, так как действие правовых норм на неё не распространяются. Таким образом, чрезвычайная ситуация, по удачному выражению Агамбена, есть «порог неразличимости» между фактической и правовой ситуацией. Заметим, что «порог неразличимости» – не просто абстрактная граница между хаосом и порядком. Нет, эта граница представляет из себя место или зону, через попадание в которую, хаос может быть встроен в порядок посредством локализации.

Но, прежде чем приступить к вопросу о суверенитете, стоит обозначить методологическую установку, которой придерживается Шмитт. Суть её в целом выражена в таком безапелляционном высказывании: «Исключение интереснее нормального случая»³⁶. По мнению Шмитта, всякое правило является таковым лишь постольку, поскольку существует исключение из

³⁵ Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. С.25

³⁶ Шмитт К. Политическая теология. М: Канон-Пресс-Ц, 2000, С. 29

него. Далее по тексту он приводит цитату из Кьеркегора, но при этом почему-то лишь косвенно указывая на авторство. Именно у Кьеркегора Шмитт находит толкование исключения, как того, что обосновывает всеобщее и само себя. Так, полагая объектом своего исследования исключительное, то есть ненормальное, чрезвычайное, Шмитт, вслед за Кьеркегором, предполагает за исключительным потенциал к обоснованию всеобщего. Поэтому и предметами исследования Шмитта по преимуществу оказывались конкретные, индивидуальные аспекты политического - будь то критика парламентаризма в Веймарской республике или рассмотрение феномена политического романтизма. Это обусловлено установкой, вписанной в общую методологическую модель, в рамках которой понятия, принадлежащие сфере духа, по существу своему плюралистичны. Поэтому имеет смысл рассматривать подобные понятия в соответствии с их конкретной политической данностью.

Кроме этого, к исходным методологическим установкам Шмитта можно отнести такой тезис: все понятия, которые представлены в современной теории права и государства – это теологические понятия, которые были подвержены секуляризации. Это произошло, во-первых, в силу исторического развития, так как они были изъяты из теологии и применены к теории государства и права, поэтому каждое юридическое понятие сохраняет в себе отголоски теологических смыслов. Во-вторых, это обусловлено их «систематической структурой», то есть способом их организации в социальном пространстве. Так, например, религиозное понятие о Боге становится политическим понятием о суверене, сохраняя ряд предикатов. Чрезвычайное положение, принадлежащее юридическому пространству, оказывается аналогично значению чуда в теологии. Лишь удерживая во внимании такого рода аналогии, по мысли Шмитта, исследователь может воссоздать ход развития и преобразования понятий, которыми с такой беззаботной легкостью оперируют в современном дискурсивном пространстве науки или политики. Подлинный же смысл политического

понятия может быть установлен только из перспективы его утраченного теологического значения. Для определения понятия суверенитета Шмитт предлагает использовать методологию, которую сам он именуется «социологией понятия»³⁷. Научное знание о понятии суверенитета возможно извлечь благодаря данному подходу.

Социология понятия предполагает установление тождества теологического и юридического аспекта в понятии суверенитета. Возвращаясь к вопросу о суверенитете, первое положение, которое хотелось бы отметить в рамках поставленного вопроса – суверен имеет двойственную природу, он различён внутри себя. Приведем соответствующее место из «Политической теологии»: «Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему»³⁸. Дж. Агамбен описывает такую структуру как парадокс суверенной власти³⁹: суверен находится вне правопорядка, так как обладает полномочием на решение о чрезвычайном положении и принадлежит правопорядку, так как гарантирует исполнение правовых норм.

Можно условно выделить две суверенности – негативную и позитивную. Позитивная суверенность обеспечивает закону его правомерность через суверенное решение. В работе, посвященной Гоббсу, Шмитт повторяет его слова, которые приобрели, может быть, подлинную актуальность, будучи именно повторёнными не в XVII, а в XX веке – *Auctoritas non veritas facit legem*⁴⁰. Авторитет учреждает и поддерживает закон, тем самым выступая его гарантом. Негативная суверенность не принадлежит нормативному порядку, более того, она разрывает гомогенное пространство законности.

³⁷ Шмитт К. Политическая теология. М: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 65

³⁸ Шмитт К. Политическая теология. М: Канон-Пресс-Ц, 2000, С. 17

³⁹ Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. С. 22

⁴⁰ *Auctoritas non veritas facit legem*(лат.) - авторитет, а не истина, создает закон

Последствия такой двойственной сущности суверенности сказываются и, в то же время, проявляются в идее порядка, так как он не складывается сам собой, в силу будто бы естественных причин (либеральная идея), он также является результатом решения о порядке. То же касается и правопорядка, который содержит нормы, но через нормы не устанавливается. Правопорядок не имеет оснований сам по себе, не укоренен в действительности, поэтому каждый раз должен быть утверждаем заново, исходя из данности конкретной ситуации. Суверенное лицо обладает компетенцией к означиванию границы между законом и беззаконием, при котором демаркационной линией выступает решение о чрезвычайной ситуации. Через принятие решения о чрезвычайном положении суверен как бы достигает собственных границ. На этой же границе право также обнаруживает свой предел и обнажает основание в суверенном решении.

Итак, на данном этапе мы выявили методологические установки для политико-правовой концепции Шмитта, исходя из которых им было сформулировано понятие суверенитета. Помимо этого, мы указали на некоторые сущностные характеристики исследуемого понятия. Далее мы рассмотрим взаимосвязь Шмитта и Гоббса на предмет понятия суверенитета, политического мифа и феномена страха. Затем подробно остановимся на двух понятиях, которые включены в понятие суверенитета и требуют особого изучения – понятие решения и понятие чрезвычайного положения.

2.2 Томас Гоббс и Карл Шмитт: суверенитет, политический миф и феномен страха

Мы опустим в нашем рассмотрении вопрос об этимологии термина «суверенитет» и этапах его исторического становления, но коснемся теории государства и права Томаса Гоббса, так как это знаковая фигура для Шмитта и, как отмечают исследователи, именно Шмитт вернул Гоббса в горизонт актуальных исследований политической философии. Первое упоминание Шмиттом этого мыслителя встречается в книге «Диктатура»(1921), последнее приходится на самую позднюю (1963) редакцию «Понятия политического». Помимо этого, Шмитт посвящает Гоббсу целую книгу «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса», которая и будет предметом нашего рассмотрения в настоящей главе. Гоббс пишет свой знаменитый трактат «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» в 1651 году, то есть сразу после Английской гражданской войны (1642–1645), результатом которой стал переход Англии от абсолютной монархии к конституционной. Гоббс, как последовательный приверженец монархического режима, был отлучен от двора, что заставило его на 11 лет эмигрировать из страны. Шмитт пишет книгу о Гоббсе в 1938 году, во время расцвета Третьего рейха, но при этом его положение неустойчиво. Прослеживается сходство как между жизненными ситуациями двух мыслителей, так и их трудами, которые были попыткой отыскать политические гарантии безопасности и правопорядка государства.

Первое положение, на котором Шмитт акцентирует внимание в политической философии Гоббса – неразделенность религиозного и политического. Шмитт, поддерживая позицию Гоббса, выступает за единство светской и духовной власти во имя сохранения политического единства государства. Более того, Шмитт считает Гоббса политическим философом, то есть философом политического действия, именно потому, что последний не признает примата религиозного мышления над политическим: «Так Гоббс вел свою великую эпохальную борьбу против политической теологии во всех ее

формах»⁴¹. По мнению Гоббса, вполне разделяемом и Шмиттом, если власть духовная полагается как «высшая», поскольку выполняет божественное предписание, то она и имеет большую власть. Иными словами, если некоторая власть (в данном случае светская) должна подчиняться другой власти (духовной), то из этого следует не то, что есть две власти, но то, что есть тот, кто властвует и тот, кто подчиняется. Суверенная не обеспечена «божественностью». Исходя из правовой идеи общественного договора, очевидно, что возникновение суверена происходит через репрезентацию, то есть представительство. Гоббс, а вслед за ним и Шмитт, в обратном порядке реконструируют аргумент божественной природы суверенной власти: «божественность» власти суверена утверждается исходя не из её доказательства, но суверен мыслится как смертный Бог, то есть творец исключительно земного порядка, поэтому его власть равна в своей суверенности и абсолютности власти Бога небесного. Шмитт замечательно формулирует это: «Поскольку государственная власть всеобъемлюща, постольку она носит божественный характер»⁴². Бог небесный создает не *civitas*⁴³, но сообщество, которое уже поэтому сообразно с всеобщим порядком природы. Государство – творение земного Бога, результат разумной деятельности, которая сконструировала государство через заключение общественного договора. При этом смертный Бог, суверен «юридически трансцендентен» прочим участникам договора, более того, он трансцендентен всему их множеству.

Шмитт полагает, что политические понятия всегда есть понятия секуляризованные, так как являются следствием разделения религии и политики. Выше мы уже останавливались на разъяснении данного

⁴¹ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 121

⁴² Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С.148

⁴³ *Civitas*(лат.) - государство или республика

положения, здесь мы только напоминаем о нем в контексте разработанных истоков проблемы.

Второй момент, который Шмитт отмечает у Гоббса, и который стремиться воссоздать сам, это сила политического мифа. Очевидно, данный тезис нуждается в пояснении. Очевидно, что под политическим мифом Гоббса понимается образ Левиафана, в котором объединены четыре фигуры - большой человек, огромное животное, грандиозная машина и смертный Бог. Власть *magnus ille Leviathan*⁴⁴ внушает людям страх (*terror*), тем самым заставляя их вести мирное сосуществование. Важно, что под Левиафаном понимается не государство в целом, но представительное лицо суверенной власти – *rector* или *governor*⁴⁵, именно в нём, по Гоббсу, репрезентировано политическое единство⁴⁶. Образу Левиафана в политическом мифе Гоббса противостоит образ Бегемота. В широком смысле под Левиафаном понимается здесь государственный порядок, а под Бегемотом революционная мощь, естественное состояние. Обе силы равны в своей потенциальности, из чего следует, что государство – это регулярно подавляемая гражданская война. Поэтому абсолютизм, как сильная и единая власть, представляется Гоббсу единственным режимом, способным противостоять хаосу естественного состояния. Так, Шмитт и из своего трактата о Гоббсе надеется создать политический миф, способный иметь реальную политическую силу. Он описывает мифический образ Левиафана не скупясь на выражения: «Имя Левиафана относится к мифологическим именам, которые не могут безнаказанно произноситься. Его образ столь могуч, что даже тогда, когда он является в виде фрески, он производит особое впечатление»⁴⁷. Левиафан для Шмитта – символ борьбы между религиозным и политическим, в результате

⁴⁴ *Magnus ille Leviathan* (лат.) - этот огромный Левиафан.

⁴⁵ *rector*(лат.), *governor*(англ.) - властитель

⁴⁶ Имеется в виду Глава XXVIII. “О наказаниях и наградах”, в которой обосновывается право суверена на наложение наказаний.

⁴⁷ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С.183

которой противоречие должно быть снято в форме их объединения. Но ситуация современности не принимает политический миф Шмитта, как это случилось ранее и с Гоббсом.

Третий пункт – экзистенциальная укорененность политики. Исследователи до сих пор не пришли к общему мнению относительно значимости страха и ужаса в философии Гоббса. Шмитт же однозначно называет страх перед естественным состоянием залогом формирования государства. Государственное состояние противостоит естественному, обеспечивая человека безопасностью и покоем. Заботу об этом в государственном состоянии берет на себя полиция. Шмитт усиливает экзистенциальную значимость страха и ужаса в теории Гоббса и пишет следующее: «Ужас перед естественным состоянием собирает вместе переполненных страхом индивидуумов; их страх обостряется до последних пределов; вспыхивает искра Ratio [разума]»⁴⁸. Искра разума и создает нового смертного Бога – Левиафана. Дело в том, что человеческая природа, по Гоббсу, выражается в набившей оскомину формуле – *homo homini lupus est*⁴⁹. Поэтому ничего удивительного, что отношения между людьми построены на страхе. Наиболее полное объяснение феномену страха Гоббс приводит в трактате «О гражданине»: «Я понимаю под словом «страх» определенное предвидение будущего зла. Я отнюдь не считаю стремление к бегству единственным свойством страха. Тот, кто испуган, склонен также к недоверию, подозрительности, чуткому вниманию, предосторожностям, которые позволили бы не бояться»⁵⁰. В целом, страх возникает, с одной стороны, из-за перспективы возвращения естественного состояния, с другой, перед лицом суверена. Страх запускает человеческую мысль, это как бы «рациональный» страх, который осознает чудовищность нахождения в естественном состоянии и разрабатывает решение в его прекращении.

⁴⁸ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006.С. 145

⁴⁹ Homo homini lupus est(лат.) - человек человеку волк

⁵⁰ Гоббс Т. О гражданине, I, 2. Цит. соч. Т. 1. С. 284–285

Уже Ж.-Ж. Руссо хорошо понимал заслугу Гоббса в постановке проблемы взаимосвязи теологии и политики. По мнению Руссо, Гоббс точно предсказал будущие угрозы для мирного, гражданского состояния в разделении власти на светскую и духовную, но решение, предлагаемое Гоббсом – объединение их в лице суверена как абсолютной власти, Руссо находит неудовлетворительным. В философии права Руссо *volonte generale*⁵¹ совпадает с волей суверена, где под сувереном понимается народ, и, поэтому децизионалистское значение суверена утрачивается. Согласно Руссо, даже принятие решения о войне или о мире не является суверенным действием, так как «каждый из этих актов вовсе не является законом, а лишь применением закона, актом частного характера, определяющим случай применения закона»⁵². Так, читаем в его классической работе, посвященной разработке теории общественного договора: «суверенитет, будучи лишь исполнением общей воли, нельзя отчуждать и суверен, являющийся собирательным существом, способен представлять только самого себя; могут передаваться властные полномочия, но не воля»⁵³. Государство образуется в результате договора, который заключается между носителями частной воли. При их объединении возникает общая воля, но не как сумма или простая совокупность, а как воля всеобщая. В качестве таковой, она не способна к ошибке. Единство народа мыслится Руссо как единство органическое. В данной концепции позицию персонифицированного суверена занимает народ, понимаемый автором как суверен. Заметим, что *volonte generale* не имеет репрезентации, власть осуществляется непосредственно народом. Ясно, что легитимация суверенной власти осуществляется здесь посредством общей воли, которая не учреждается во время заключения общественного договора и далее действует самостоятельно и номинально, но должна быть постоянно и непосредственно проявлена. Американская и Французская революции

⁵¹ *volonte generale*(фр.) - общая воля

⁵² Руссо, Ж.-Ж. Политические сочинения, М.: Наука, 2013, С. 210

⁵³ Руссо, Ж.-Ж. Политические сочинения, М.: Наука, 2013, С. 135

утвердили именно такое понятие о суверенитете, закрепив его конституционно. В дальнейшем, либерализм XIX–XX веков переносит статус суверена на индивида, чем ставит под угрозу государственный суверенитет в принципе. Государственный суверенитет может быть искоренен также, как до этого им самим был разрушен суверенитет трансцендентного.

Шмитт безусловно разделял позицию Гоббса; Локк и Руссо, как зачинатели либерализма, напротив, были подвергнуты критике за идею правового государства.

Далее, начиная разговор об истоках современной ситуации, делает важное замечание – в результате Французской революции, суверен теряет своё лицо, понимаемое как способ репрезентации, и становится машиной – эффективным «механизмом отдачи приказаний»⁵⁴. Государство как механизм, согласно мысли Шмитта, есть результат Нового времени, его первое техническое изобретение. Переворот в понимании государства стал отражением антропологической модели Декарта, где человеческое тело представимо как машина. То же самое произошло и с государством, которое утратило персонифицированный характер, его религиозный аспект (душу), и трансформировалось в «технически нейтральный инструмент», целью которого стала эффективность в поддержании собственной безопасности и целостности. Государство как механизм, как *machina machinarum*⁵⁵, наравне со всякой другой техникой, совершенно равнодушно к содержанию политических позиций и идеалов и существует вне отношения к истине. Переход от персонифицированного суверена к суверену безличному, «механическому» в Новое время – это итог противопоставление религии и политики; кроме того, это еще и предпосылка возникновения стратегий деполитизации и нейтрализации, которые получили на сегодняшний день небывалый размах. М. Ямпольский резюмирует это следующим образом:

⁵⁴ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 151

⁵⁵ *Machina machinarum* (лат.) - машина машин

«Нейтрализация наряду с рационализацией является решающим фактором в области политической теологии»⁵⁶.

Итак, идея трансцендентности Бога, всё ещё имевшая влияние в XVII–XVIII веках, находит место и в политической теории того времени, где суверен трансцендентен по отношению к государству. Абсолютный политический суверен Нового времени противостоит абсолютному религиозному суверену, что отлично выражено в концепции Гоббса. Тогда как уже для XIX века характерна идея имманентности, что сказывается и на политической доктрине, в которой господствуют представления о тождестве суверена и государства (Руссо), подданных и властителя, правопорядка и суверенитета. Затем, согласно получившей огромное распространение либеральной традиции, статус суверена переносится на отдельных индивидов, а государственный суверенитет оказывается под угрозой.

⁵⁶ Ямпольский М. Физиология символического. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004, С. 564

2.3 Решение как элемент понятия суверенитета и децизионизм как теория решения

Каждая правовая концепция так или иначе решает вопрос о переводе правовой идеи, которая как идея всегда является возможностью, не переходящей непосредственным образом в действительность, в состояние исполнения правовой нормы. Такой перевод означает трансформацию агрегатного состояния идеи, при которой к идее добавляется неразличенный элемент, который прямо не выводится из содержания правовой идеи. Из этого следует, что юридическое решение всегда содержит в себе этот неразличенный элемент, так как его нельзя вывести из его предпосылок. Поэтому решение здесь является самостоятельным элементом.

Кроме того, то, что правовая идея не может реализовать сама себя доказывает и то, что она не содержит в себе указания на то, кто должен её применять. Здесь всегда имеет место *auctoritatis interpositio*⁵⁷. Это значит, что из содержания правовой нормы нельзя вывести какое именно лицо или инстанция может быть фигурой авторитета. Речь идет о компетенции к принятию решения, которая, в зависимости от обстоятельств, делает его относительно или абсолютно независимым от истинности или правильности, тем самым ограничивая дискуссии вокруг него. Таким образом, решение приобретает самостоятельность и оказывается независимым от оснований аргументации. Шмитт справедливо отмечает это в такой формулировке: «С нормативной точки зрения, решение родилось из ничто»⁵⁸. Реализация решения есть его вменение, при этом вменение осуществляется не в силу правовой нормы, но «исходя из точки вменения», то есть суверенного решения.

Из вышесказанного можно заключить, что из правовой нормы выводимо лишь её качественное содержание, но не сама по себе точка

⁵⁷ *Auctoritatis interpositio*(лат.) - вмешательство авторитета

⁵⁸ Шмитт К. Политическая теология. М: Канон-Пресс-Ц, 2000, С.51

вменения. Известная либеральная формула Локка «*the law gives authority*»⁵⁹ – то, против чего выступает Шмитт. Закон не может содержать в себе указания на точку вменения, то есть на то, кому он дает авторитет. Авторитет же выступает как последняя правовая инстанция, которая возникает не из нормы, но из компетенции к принятию решения. Таким образом, признавая самостоятельность субъекта решения, мы должны признать и самостоятельность решения. Следовательно, юридическая действительность будет представлена двумя базовыми вопросами - содержательная правильность решения и компетенция субъекта решения.

Мы уже обращались к формуле Гоббса *auctoritas non veritas facit legem*⁶⁰, но обратим на неё внимание в контексте идеи решения. Противопоставление *auctoritas*⁶¹ и *veritas*⁶² в теории Гоббса имеет смысл объединения децизионизма и персонализма в представительном суверенном лице, авторитете. Такая позиция устраняет возможность понимания государства как абстрактного, механического порядка отдачи приказаний. Шмитт развивает идею Гоббса, утверждая, что правовая форма, которая не была окончательно сформулирована Гоббсом – это «форма конкретного решения, исходящего от определенной инстанции»⁶³. Другими словами, правовая форма никогда не бывает пустой, так как включает в себя три самостоятельных элемента: субъект решения, само решение и содержание решения. Так как каждый элемент обладает самостоятельностью, в решении как таковом важна не его содержательность, но решение само по себе. Фактически, отсутствие правовой ошибки равно отсутствию упрека в этой ошибке или, используя выражение самого Шмитта: «Как раз в важнейших

⁵⁹ The law gives authority(англ.) - Закон дает авторитет

⁶⁰ Auctoritas non veritas facit legem(лат.) - авторитет, а не истина, создает закон

⁶¹ Auctoritas(лат.) - авторитет

⁶² Veritas(лат.) - истина

⁶³ Шмитт К. Политическая теология. М: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 56

вещах важнее то, что решение принимается, чем его содержание»⁶⁴. Однако, субъект решения (суверен) определяет характер решения. Собственно, само решение заведомо содержится в способе существования суверена.

В «Политической теологии», как уже было отмечено, встречается одно упоминание С. Кьеркегора. Касательно вопроса о решении уместно вспомнить о нём снова, так как проблематика нормы и решения особо актуальна в его экзистенциально-религиозной философии. В трактате «Или-или» читаем: «Для меня мгновение выбора в высшей степени серьезно, – и не столько потому, что тут требуется тщательное проникновение в нечто, представляющееся разделенным внутри выбора, и не потому, что множество мыслей сопрягаются здесь одним-единственным средним термином, – но скорее потому, что здесь присутствует опасность: возможно, уже в следующее мгновение не в моей власти будет вообще выбирать»⁶⁵. Как известно, Кьеркегор утверждает три этапа жизненного пути – эстетическую, этическую и религиозную. В «мгновение выбора» этическая нормативность подрывается изнутри, нормальная ситуация нарушается, возникает «чрезвычайное положение»; в религиозном опыте господствует абсурд, а вера возможна лишь как «парадокс наличного существования»⁶⁶ (Так Авраам, оставаясь единичным человеком, превосходит всеобщее в опыте веры). Шмитт переносит конструкцию индивидуального религиозного выбора на публичное решение политического субъекта.

Однако, на наш взгляд, Шмитт здесь спекулирует, так как концепция «выбора» у Кьеркегора имеет прочное теологическое основание, в то время как его концепция авторитарного «решения» не имеет достаточных оснований, происходит из ничто. В этом смысле, окказионализм, в котором

⁶⁴ Шмитт К. Политическая теология. М: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 83

⁶⁵ Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни. – СПб: Амфора, 2011. С. 639

⁶⁶ Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Академический проект, 2014. С. 59

он так яростно обвинял романтиков⁶⁷, свойственен ему не в меньшей мере.

К. Лёвит открыто критикует Шмитта за доказательную недостаточность и упрекает его в использовании концепции Кьеркегора лишь для того, чтобы «обосновать аномальное право решения как таковое независимо от того, о чем и для чего оно»⁶⁸. Пожалуй, критика Лёвита имеет место быть. Тем более, что и сам Шмитт на заре жизни признавал, что свободное решение не формирует собственного правового поля, но всё же выступает условием конституирования суверенного субъекта.

Подведем небольшой итог параграфа. Теория решения Шмитта окказиональна, так как ей недостает оснований для учреждения самой себя. Помимо этого, и возможность выведения оснований из чего-либо, не относящегося к сущности решения, тоже отсутствует, потому как свободное решение не может иметь другого основания, кроме себя самого. Таким образом, Шмитт постулирует политику свободного решения, как правовой формы. При этом ясно, что решение возникает как бы случайно, окказионально, но исходя из конкретной политической ситуации. Шмитт последовательно очерчивает пределы собственно политического решения, отделяя его от теологии, метафизики и морали. Тем самым, правда, решение оказывается лишено предметной области. Поэтому решение становится возможным только в качестве того, что превосходит и, в то же время, уничтожает всякую другую область – в качестве войны. Поэтому Лёвит называет политическое решение Шмитта «решением в пользу решимости»⁶⁹.

⁶⁷ “Если чем и можно тотально определить романтизм, то это отсутствием какого бы то ни было отношения к causa [причине]” \ Шмитт К. Политический романтизм, М.: Праксис, 2015. С.151

⁶⁸ Лёвит К. Политический децизионизм // Логос. 2012. С. 121

⁶⁹ Лёвит К. Политический децизионизм // Логос. 2012. С. 126

2.4 Чрезвычайное положение как элемент понятия суверенности и теологическая концепция чуда

Основная функция правовой нормы – установление правопорядка в общественной жизни (удержание гражданского состояния, по Гоббсу), то есть, по сути, она нормативно регламентирует условия человеческой жизни. Условием существования нормы выступает нормативная устойчивость в целом или, по выражению Карла Шмитта – «норма нуждается в гомогенной среде». При этом, такая «нормальность» не только лишь предпосылка или внешнее условие, напротив, она представляется как имманентная значимость правовой нормы. Иными словами, норма не может быть применима к хаосу или в состоянии войны, в естественном состоянии. Должен существовать первоначальный порядок, чтобы существовал правопорядок. Суверен же выступает фигурой гарантии нормального состояния, через решение о самом его статусе как нормального, то есть своим решением он одновременно создает и гарантирует некоторое состояние как целое или тотальное. Здесь мы имеем в виду государственный суверенитет, обладающий монополией на принятие решения.

Для Шмитта, исключительный случай или чрезвычайное положение – важный концепт, так как именно через него мы и можем отделить, а точнее указать на разрыв, существующий между правовой нормой и решением. Как было отмечено в самом начале главы, понятие чрезвычайного положения в юридическом смысле аналогично понятию чуда в теологии. Вопрос о чудесах поднимается Томасом Гоббсом в XXXVIII и XLII главах «Левиафана». Следует учесть, что вопрос о чудесах имеет для Гоббса не религиозное или критически-познавательное значение, а именно политическое. Это связано с тем, что фигуре короля в ту эпоху приписывалась сакральность, а чудеса выступали как «важный монархический институт»⁷⁰. Например, Э. Канторович, посвятивший книгу разработке теологического аспекта власти, приводит доказательство неизвестного проповедника XIV века о святости

⁷⁰ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С.185

короля Франции Филиппа IV, в котором одним из четырех пунктов, наряду с чистотой королевской крови, защитой интересов церкви, способностью к передаче святости (в рождении новых святых королей), названа их способность совершать чудеса. Канторович отмечает, что данное положение служит аргументом в признании власти короля над духовной сферой: «Королевское чудо исцеления золотухи, «королевской болезни», было популярной темой у проповедников и ораторов, когда они стремились доказать принципиальное превосходство французских королей над другими королями и их верховенство в духовных вопросах в своем королевстве»⁷¹. Конечно, здесь мы ещё имеем дело с относительной неразличимостью политического и религиозного, но во времена Гоббса, а это уже XVII век, такая различенность становится проблемой и, как мы уже говорили, задачей Гоббса было восстановить утраченное единство; такая задача присутствует и в проекте Шмитта, который можно условно назвать «политической теологией», выходящей за рамки одноименного трактата. В перспективе этой задачи тезис Гоббса можно сформулировать так – только суверен располагает компетенцией признания чего-либо чудом, которое тем самым является чудом для всех подданных государства. Здесь уместно вспомнить о уже неоднократно приводимом нами децизионалистском положении *Auctoritas non Veritas*, исходя из которого ясно, что власть над сакральным целиком принадлежит авторитету, то есть суверену, который принимает решение о «чудесности» или «волшебности» чего-либо. Власть суверена простирается отныне на всё земное или, как пишет Шмитт, «она становится высшим представителем Бога на земле»⁷².

В заключении главы XLII «О церковной власти» Гоббс пишет следующее: «Гражданский суверен имеет верховную власть во всех делах, как церковных, так и гражданских, поскольку дело касается действий и слов,

⁷¹ Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серединой. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 356

⁷² Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С.189

ибо только они одни известны и могут быть предметом обвинения, и над тем, что не может быть предметом обвинения, не судьи, кроме Бога, ведающего сердца»⁷³. Вводимая конструкция того, «что не может быть предметом обвинения» фактически означает дихотомию внутреннего как опыта веры (*fides*) и внешнего как исповедания веры (*confessio*). Вопрос об исповедании как внешний находится под юрисдикцией суверена и принадлежит сфере *public reason*⁷⁴, в то время опыт веры как внутренний остается на усмотрение *private reason*⁷⁵. Шмитт акцентирует внимание на разделении внутреннего и внешнего, упрекая Гоббса в индивидуализме. Он справедливо полагает, что следствием противопоставления внутреннего и внешнего всегда оказывается примат внутреннего над внешним, как «негласного над гласным, потустороннего над посюсторонним»⁷⁶. Шмитт утверждает, что именно указанное разделение является первопричиной формирования современного государства как «нейтрального». При чем влияние дихотомии внутреннего и внешнего в историческом становлении конституции имеет две траектории. Во-первых, как индивидуализм, выражающийся в конституционном закреплении свободы совести и мышления, что характерно для либерализма. Во-вторых, как трансформация государства, власть которого мыслится как внешняя, потому как частный опыт веры оказывается за её границами. Государственная власть, приобретая внешний характер, по сути, становится полицией, в функции которой входит поддержание общественного порядка.

Шмитт пускай и обвиняет Гоббса в индивидуализме, но всё же считает, что этот индивидуализм случаен и имеет место в концепции Гоббса в качестве «оговорки», а не базового принципа; им как раз является удержание безопасности и спокойствия общества и права. В современности мы находим как раз обратную ситуацию – свобода индивида выступает как принцип, а

⁷³ Гоббс Т. Левиафан. М.: Рипол классик, 2016. С. 563

⁷⁴ Public reason(англ.) - общественный разум

⁷⁵ Privat reason(англ.) - частный, приватный разум

⁷⁶ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С.201

удержание стабильности общества и права как оговорка. Таким образом, различие внутреннего и внешнего, по мысли Шмитта, «стало смертельной болезнью для смертного Бога»⁷⁷; признание опыта веры как частного дела породило тенденцию индивидуализма, которая погубила гоббсовского Левиафана, как образец абсолютного государственного суверенитета.

Мы рассмотрели рассуждение Т. Гоббса суверене, принимающем решение о «чудесном» и трактовку этого рассуждения у К. Шмитта. Однако, вернемся к самому понятию чуда в концепции Гоббса с тем, чтобы доказать наконец его аналогию с чрезвычайным положением. Итак, чудом является такое событие, для происхождения которого мы не можем установить естественных причин и поэтому полагаем божественную природу его возникновения. Также характеристикой чуда является то, что оно должно быть идентифицировано в качестве такового всеми наблюдателями. Кроме того, что естественные причины происхождения чудесного события нельзя указать, из факта его наблюдения должно быть невозможно вывести индуктивного заключения. Таким образом понимаемое, чудо в характере своей событийности подобно заключению общественного договора как учредительного события⁷⁸, которое знаменует собой переход от естественного состояния к гражданскому при разрыве установленных каузальных связей.

Как уже было сказано, решение о квалификации события как чуда принадлежит суверену, точно также как и решение о чрезвычайной ситуации. Оба решения предполагают разрыв каузальности. В отличие от учредительного события, чудо и чрезвычайная ситуация поддаются наблюдению. Современное государство исключает существование чрезвычайного положения, так как суверен не имеет полномочий нарушения или прерывания установленного правопорядка. То же самое происходит и с

⁷⁷ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С.205

⁷⁸ Филиппов А.Ф. Критика Левиафана \ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С.51

чудом, которое исключается в рамках доктрины деизма как невозможное. Ничто не в состоянии больше разорвать природный (в случае чуда) или правовой (в случае чрезвычайного положения) порядок. Итак, мы доказали сущностное сходство чрезвычайного положения и чуда. Кроме того, данное доказательство служит подтверждением тезиса Шмитта о том, что политические понятия есть результат секуляризации понятий теологических.

Очевидно, что и чудо, и чрезвычайное положение – это исключительные ситуации, которые определяют собой границы нормального, но до тех пор, пока в корне исключения заложено то же основание, что и в сердцевине нормального. Чудо возможно лишь при теизме, чрезвычайное положение – при абсолютном суверене. При изменении формообразующего принципа «нормального» (например, от теизма к деизму или от государственного суверенитета к народному), изменяются и его границы, то есть зоны исключения.

Итак, в данной главе мы рассмотрели влияние политической философии Томаса Гоббса на идеи суверенитета и политической теологии Карла Шмитта. Кроме того, мы обосновали понятие суверена через идеи чрезвычайного положения и решения. Мы доказали аналогию чрезвычайного положения и с теологическим толкование чуда.

Заключение

Итак, в рамках поставленной цели, мы рассмотрели идею государственного суверенитета в контексте понятия политического Карла Шмитта. Для прояснения понятия суверенитета, мы проанализировали концепцию решения и чрезвычайного положения. Мы уделили особое внимание фигуре суверена, который объединяет в себе закон и преступление, власть и свободу. Кроме того, мы установили само понятие политического через категории друга-врага и войны. Также мы указали на то влияние, которое оно оказало и претерпело в интеллектуальном контексте XX века.

В рамках критики либерализма мы коснулись феномена политического романтизма как принципиально не-политического. Помимо этого, были подробно рассмотрены тенденции нейтрализации и деполитизации, представленные в современном мире через экономику и технику. В процессе исследования мы подтвердили и предложенные во введении гипотезы:

1. Понятие политического является базовым концептом для понимания государственно-правовой теории К. Шмитта.
2. Понятие политического Х. Арндт образовано как противопоставление пониманию политического К. Шмиттом.
3. идея суверенитета и политическая теология К. Шмитта является результатом переосмысления и актуализации политической философии Т. Гоббса.
4. Понятие чрезвычайного положения в юридическом смысле аналогично понятию чуда в теологии.

В рамках рассмотрения государственного суверенитета и концепций решения и чрезвычайного положения, мы заключили, что через принятие решения о чрезвычайном положении суверен как бы достигает собственных границ.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011
2. Агамбен Дж. Homo Sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011
3. Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017
4. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа. 2008
5. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом., 1996
6. Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011
7. Арндт Х. Ответственность и суждение. М.: изд-во Института Гайдара, 2013
8. Аристотель. Политика / Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983
9. Бёкенфёрде Э.-В. Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву/ Логос. 2012. № 5 (89).
10. Гоббс Т. Левиафан. М.: Рипол классик, 2016
11. Дмитриев Т. Спор об основах политического: Лео Штраус versus Карл Шмитт. Социологическое обозрение 11 (3), 2012.
12. Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегиной. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.
13. Капустин Б.Г. Двусмысленность политического: рассуждение о концепции Карла Шмитта. В кн. Проблемы и суждения: голоса российской политологии. Под ред. Б.Г. Капустина. М.: Книжный дом Университет, 2004.
14. Капустин Б. Г. Что такое «политическая философия»? // Полис. 1996. №6. С. 83-87.
15. Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни. – СПб: Амфора, 2011
16. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Академический проект, 2014
17. Лёвит К. Политический децизионизм // Логос. 2012. № 5 (89)

- 18.Лившиц М.С. Научный семинар по книге Х. Арендт "Истоки тоталитаризма" // Социологический журнал М. 1995. №4. С. 224-231.
- 19.Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988
- 20.Магун А.В. Единство и одиночество. Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011
- 21.Магун А.В. Новый строй Земли. Карл Шмитт как диагност современного кризиса в мировой политике // Полис 2003, № 2. С. 112–123.
- 22.Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Скимень, 2012
- 23.Михайловский А.В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии No 9, 2008
- 24.Монтескье Ш. О духе законов / Политология. Хрестоматия. М.: Гардарики, 2000
- 25.Муфф Ш. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии // Логос. 2004.-№6. 140-153
- 26.Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия / Пер. с франц. и прим. В. Е. Лапицкого. —СПб.: Machina, 2013. — 192 с.
- 27.Руссо, Ж.-Ж. Политические сочинения, М.: Наука, 2013
- 28.Скиннер К. The State. Понятие государства в четырех языках. СПб, М. 2002
- 29.Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: ЕУСПб, 2006
- 30.Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. М.: Наука, 2001
- 31.Филиппов, А. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа / А. Филиппов // Шмитт К. Политическая теология. М., 2000
- 32.Филиппов А.Ф. Новое рождение политического из деполитизированного: кризис полицейского управления и

- множественные солидарности // Развитие и экономика. 2012. № 3. С. 246-263
33. Филиппов А.Ф. Политический трепет и теодицея Левиафана. Гинзбург Карло. Страх. Почтение. Ужас // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. №3. С. 180-186.
34. Филиппов А.Ф. Политика времен нацизма. Предисловие к публикации «Политики» Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 85-92.
35. Филиппов А.Ф. Политический романтизм Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 21-48.
36. Филиппов А.Ф. К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 41-52.
37. Филиппов А.Ф. Карл Шмитт. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 6-16
38. Фрайер Х. Революция справа / Пер. с нем. Ю. В. Коринца. М.: Праксис. 2008
39. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Изд-во Весь мир, 2008
40. Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2010
41. Хоуз Р. (Зло)употребление. Лео Штраус и его роль в реанимации Шмитта немецкими правыми. Случай Хайнриха Майера/ Логос. 2012. № 5 (89). С. 68-86
42. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005.
43. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006

44. Шмитт К. Номос Земли. М.: Владимир Даль, 2008. 672 с. Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010
45. Шмитт К. Политический романтизм. М.: Праксис, 2006
46. Шмитт К. Политическая теология. М: Канон-Пресс-Ц, 2000
47. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35—67
48. Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического. М.: Праксис, 2007
49. Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение, т. 1, N. 2, 2001
50. Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис. 2000
51. Штраус Л. О тирании. Спб.: Изд-во С.-Петербург, ун-та, 2006
52. Ямпольский М. Физиология символического. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004